

Камо грядеши?

ДОЛГИЕ годы у Иркутского областного драматического театра была добрая слава. Серьезный коллектив, во главе которого стоит директор О. Волни, привлекал актеров возможностью интересной творческой работы.

И совсем не желание поколебать эту добрую славу заставляет писать сейчас об Иркутском театре. Писать о нем надо потому, что трудности и болезни, переживаемые коллективом и отчетливо проявившиеся в последних его работах, характерны отнюдь не для одного Иркутска. Трудности эти — довольно общее явление. Потому что они так тревожат.

Суть явления сводится к простому факту: ряд — и довольно значительный — наших театров годами работает без художественного руководства. Нет в них человека, который бы являлся для всего коллектива и прежде всего для режиссуры непрерываемым художественным авторитетом, человека, который четко и ясно определял бы художественное кредо коллектива, линию его репертуара, общий творческий почерк его режиссуры, типичную для театра манеру актерского исполнения — одним словом, стиль театра. А коль скоро такого человека нет, то театр постепенно перестает быть художественной организацией, а становится объединением более

или менее случайно собравшихся вместе актеров и режиссеров.

Проблема художественного руководства, проще говоря — проблема главного режиссера периферийных театров, сегодня стоит очень серьезно. Отсутствия главного режиссера ничем не компенсируют.

Вот почему и надо говорить о бедах, приключившихся с последними работами Иркутского театра.

Главного режиссера там нет уже три года. Работает молодой режиссер М. Шнейдерман, привлекаются и режиссуру ведущие актеры. И спектакли идут, зритель попрежнему ходит в театр, в газетах помещаются о новых постановках более или менее благополучные рецензии, и в театре водятся атмосфера довольства и спокойствия.

Приезжему человеку ознакомиться с работами театра довольно затруднительно. Всегда располагаешь весьма ограниченным временем, в течение которого хочется увидеть как можно больше спектаклей. Практика Иркутского театра ставит этому непреодолимые препятствия. Неделями театр играет один и тот же спектакль. В ту неделю, которую мне довелось пробыть в Иркутске, таким спектаклем был «Кредит у Нибелунгов» Ф. Кунц. Случайно на афише промелькнуло второе название

— «Проводы белых ночей» В. Пановой.

Эксплуатация репертуара «на износ» происходит не от хорошей жизни. Каждый спектакль в Иркутском театре идет немногим более месяца. Это заставляет предположить, что само качество спектаклей не вызывает длительного и прочного интереса у зрителей и они становятся спектаклями-однодневками.

Те спектакли, которые все-таки удалось увидеть, подтверждают это мнение.

Первое слово, которое приходит в голову после просмотра этих спектаклей, — слово «безответственность». Безответственность по отношению к автору, оборачивающаяся безответственностью по отношению и зрителю.

Необходимость бережного обращения с авторским текстом, стремление раскрыть и донести до зрителя все богатство мыслей избранной для постановки пьесы — азбука советской режиссуры. Нарушение этого принципа воспринимается как проистешество.

Таким чрезвычайным проистешеством оказался спектакль «Проводы белых ночей». Судите сами.

Удивительные вещи в этом спектакле начались со знакомства с программой. В перечне действующих лиц пьесы В. Пановой не оказалось одного из немаловажных персонажей — Рама. Это не случайный пропуск в программе, а результат той вивисекции, которую произвел над пьесой ее постановщик М. Швейдерман. Вольное, мягкое обращение с текстом на этом же кончилось. Кроме текста Рама — очень важной части пьесы, обогащающей размышления автора о современной молодежи, ее понимании жизни как творчества, о красоте подлинной и мнимой, — из текста спектакля выпало то, что хоть в малой степени намекало на сложную внутреннюю жизнь его героя.

Но и это еще не все. Чувствуя постычную атмосферу пьесы, режиссер кое-где пытается ее воссоздать. Но одной рукой создавая эту атмосферу, режиссер другой рукой весьма энергично ее разрушает. Вот пример. Идет первая встреча Нинки с Валериком, рождается большая Нинкина любовь. Постановщик спектакля озабочен одним — как бы мы не поверили в эту любовь, как бы не посочувствовали Нинке. И он вводит совершенно безобразную сцену поисков молодыми подслеповатыми влюбленными (бог весть откуда попавшими в спектакль) дороги в туалет.

В итоге представшее нашим глазам зрелище весьма отдаленно напоминало своего литературный первоисточник.

М. Шнейдерман — режиссер весьма молодой и посему имеющий право на ошибки. Будь в театре главный режиссер, за творческую судьбу М. Шнейдермана можно было бы не волноваться. Он человек одаренный. Но в театральном Иркутске для М. Шнейдермана нет авторитета, нет руководителя. Мало того, он сам является фантическим руководителем театра.

Второй спектакль, увиденный нами в Иркутске, — «Кредит у Нибелунгов» — поставлен актером театра, заслуженным артистом РСФСР А. Терентьевым. Неясность режиссерского замысла, жанровый разнобой, налет безвкусицы характерны и для этого спектакля. В нем заняты яркие и интересные актеры (вот здесь мы увидели потенциальные возможности Иркутского театра), но играют они нарядный за себя, нарядный в своем ключе. В итоге вместо острой политической сатиры на возрождающийся в Западной Германии фашизм возник довольно острый, но с изрядной долей пошлятины водевиль, местами даже фарс. И этот спектакль погиб из-за отсутствия режиссуры.

Мы впрочем не назвали в этой статье ни одной фамилии актера. Ведь они не повинны в том, что, получив некалвалифицированное или просто неверное режиссерское задание, вынуждены его выполнять.

А актеры в Иркутске есть. Театр в Иркутске есть. Зритель в Иркутске есть. И, несмотря на это, хочется задать Иркутскому театру вопрос: «Камо грядеши? Куда идете вы, товарищи из Иркутска, в чем ваша художественная вера? Да и есть ли она у вас?»

Никто в театре не может ответить на этот вопрос.

И не сможет, пока во главе коллектива не станет настоящий художественный руководитель. Думать об этом надо не только в Иркутске, но и в Москве, и прежде всего Министерству культуры РСФСР.

А. ВОЛЬФСОН